Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 107–120.

УДК 930(680)”19”+343.541.2
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.107

Южноафриканская историография 1980–1990-х гг. в контексте антропологии насилия

К.А. Петров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», *г. Тверь, Россия*

Статья посвящена анализу историографии ЮАР конца XX в. в контексте антропологии насилия. Рассматривается эволюция локальной антропологии: от изучения этнических обществ и агрессии в трайбалистских структурах к проблемам физического насилия в отношении женщин. Автор показывает, как появление специализированного издания и рост числа женщин-исследовательниц сформировали новый дискурс, основанный на внутреннем понимании насильственных практик. В статье демонстрируется, что внимание уделялось неинституционализированному насилию (изнасилованиям, бытовому насилию, насилию в условиях войны). Автор делает вывод, что институционализированные практики оставались на периферии научного поля из-за культурных табу, недостатка кадров из среды местного населения и приоритета острых социально-политических вызовов эпохи демонтажа апартхейда.

Ключевые слова: *историография, Южно-Африканская Республика, антропология насилия, насилие в отношении женщин.*

Южноафриканская антропологическая школа представляет собой уникальное сочетание европейских, индийских и непосредственно местных африканских взглядов и подходов к пониманию различных аспектов существования человека, социума и культуры. Становление антропологии ЮАР происходило в первой половине XX века и было связано с деятельностью таких крупных учёных как А. Рэдклифф-Браун, А. В. Хёрнли и И. Шапера. Преимущественно в 1910–1930-е гг. эти исследователи заложили основы антропологических подходов к изучению этнических групп, проживавших на территории Южно-Африканского Союза или на границах с британской колонией. Основатели южноафриканской школы наук о человеке не только сформулировали первые ключевые идеи о социокультурном пространстве и практиках свази, сото, зулу, коса, бушменов (кой-кои) и других народов региона, но и подготовили преемников, которые затем развивали социальную/культурную антропологию ЮАР в 1930–1960-е гг. По мере расширения проблемного поля исследований в него также вошли вопросы антропологии насилия, которые изучались в контексте трайбалистской организации африканских народов в колониальную и постколониальную эпоху, и гендерной антропологии.

© Петров К.А., 2026

Среди народов ЮАР, как и всего региона Тропической Африки, в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды оставались актуальными проблемы физического насилия в отношении девочек и женщин. Оно осуществлялось в контексте как институционализированных, так и неинституционализированных форм. К первым можно отнести все варианты насильственных действий, реализуемых с согласия или по инициативе общины в условиях сложившейся системы обычного права. В частности, эта группа включает в себя калечащие операции на женских половых органах, практики инициации и обряды вдовства. Неинституционализированные формы предполагают несанкционированные общиной, недопустимые или игнорируемые правовыми нормами варианты – изнасилования или бытовое насилие. Несмотря на попытки национальных правительств уже на этапе постколониального развития ЮАР искоренить как первые, так и вторые формы насилия над женщинами, оно продолжает сохраняться, опираясь на авторитет общинных или религиозных лидеров. Поскольку проблема продолжала оставаться актуальной для африканских народов, во второй половине XX в. антропологическая наука в Южно-Африканской Республике обратила свой взгляд на её изучение.

Значительный вклад в понимание предпосылок, причин, содержания и последствий различных форм физического насилия в отношении африканских женщин внесли работы европейских, американских и отечественных африканистов. Однако для полноценного понимания сущности изучаемого явления необходимо обратиться именно к африканскому научному наследию. Это обусловлено тем, что существенная часть содержательной стороны вопроса может быть понятна лишь носителям культуры, знакомым с неартикулируемыми или табуируемыми к обсуждению элементами насильственных практик. В связи с этим целью данного исследования является выявление дискурса южноафриканских ученых по проблеме гендерного насилия в отношении местных женщин.

Первоначально следует указать на ряд внешних черт южноафриканской историографии по вопросу физического насилия в отношении африканских женщин. В исследовании анализировались только те работы, чьи авторы имеют местное происхождение и проходили обучение в африканских университетах. Это было необходимо для того, чтобы максимально возможным образом исключить влияние со стороны инокультурных исторических школ на восприятие проблемы.

Большая часть южноафриканских исследователей проблемы гендерного насилия имеют аффилиацию с несколькими крупными университетами ЮАР – Университет Квазулу-Натал в Дурбане, Витватерсрандский университет в Йоханнесбурге, Преторийский университет, Университет Западно-Капской провинции в Белвилле, Кейптаунский университет, Университет Южной Африки в Претории, Стелленбосский университет, Роддский университет в Грэхэмстауне, Дурбанский университет в Уэствилле. Несмотря на то, что Университет Южной Африки считается крупнейшим в ЮАР, наибольшая доля исследователей проблемы гендерного насилия занимала

академические позиции в Витватерсрандском университете или Университете Квазулу-Натал.

Следует указать и на то, что ряд авторов не имеют университетской аффилиации, а работают в исследовательских центрах (Исследовательский центр Кейптауна, Южноафриканский медицинский исследовательский центр, Центр изучения насилия и примирения, Национальный институт труда и экономического развития) и различных неправительственных организациях. Исследовательские центры имеют национальное финансирование, что показывает заинтересованность правительства ЮАР в решении проблемы гендерного насилия. Южноафриканские НПО работают преимущественно за счёт пожертвований со стороны частных лиц или представителей бизнеса, что в свою очередь демонстрирует гражданскую позицию в вопросах искоренения насильственных практик.

Необходимо отметить, что авторами подавляющего большинства исследований являются женщины. Из 68 выявленных работ за период 1980–1990-х гг. только пятеро авторов – мужчины. Это в целом характерно для направления гендерной антропологии XX века, поскольку очевидными жертвами физического насилия как в ЮАР, так и во всём мире становились преимущественно женщины. Число авторов-мужчин возрастает ближе к концу 1990-х гг., что показывает преодоление традиционных взглядов на гендерную проблематику как чисто женского направления в антропологической науке.

Основная доля авторов научных публикаций по проблеме физического насилия в отношении женщин в ЮАР представляет сотрудников высших учебных заведений. Однако также индивидуально или в соавторстве с профессиональными учеными можно выделить местных активистов, политиков, юристов и журналистов, непосредственно сталкивающихся с проявлениями данного феномена. С одной стороны их работы очевидно уступают в вопросах научного осмысления гендерного насилия, однако с другой позволяют добиться более включённого подхода к проблеме за счёт близкого знакомства с жертвами насилия.

Также необходимо обозначить основные издания, которые в период 1980–1990-х гг. становились площадками научной актуализации проблемы гендерного насилия. Наибольшая доля всех работ (около 80 %) была издана в журнале «Agenda: Empowering Women for Gender Equality», выпускаемом с 1987 г. Можно сказать, что появление этого издания послужило толчком к развитию гендерных исследований в ЮАР и Тропической Африке в целом, поскольку до его появления публикации практически отсутствовали. Несмотря на то, что в журнале публиковались не только профессиональные ученые, но и журналисты, представители правозащитных организаций, активисты, политики, в нём соблюдались требования к научно-справочному аппарату и верифицируемости данных. Выпуски журнала имеют значимость и как исторический источник, поскольку в большинстве номеров публиковались интервью с женщинами или их письма, в которых содержалась зна-

чимая информация о ситуации гендерного неравенства в Южно-Африканской Республике. Также статьи по проблеме физического насилия в отношении женщин публиковались в таких изданиях как «Journal of Southern African Studies», «South African Sociological Review», «Review of African Political Economy», «The Journal of African History», «Kronos», «English in Africa».

Практически все публикации были изданы в период с 1987 по 1999 гг. Это было связано не только с появлением специализированного журнала по женским исследованиям, но и как результат институционализации гендерных исследований в зарубежной науке в целом. С возникновением фокуса на антропологии женской повседневности и присоединением ЮАР к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин ООН формируется устойчивый интерес местных учёных к проблеме физического насилия в отношении африканских женщин.

Наиболее ранние публикации, относящиеся преимущественно к концу 1980-х гг., напрямую не затрагивали проблему именно физического насилия в отношении женщин. В большей степени они формулировали первоначальный дискурс в рамках феминистской антропологии. Среди подобных работ следует обратить внимание на статью, подготовленную в Университете Квазулу-Натал под руководством М. Фридман[1]. Авторы данного исследования анализируют возможность применения западноевропейского и американского категориального аппарата для анализа южноафриканского историко-антропологического контекста. Вместе с тем в статье ставится акцент на ключевых проблемах, с которыми сталкиваются женщины в Южно-Африканской Республике и которые требуют дальнейшего осмысления в научном ключе.

Важной для понимания предпосылок насильственных практик в отношении женщин является статья профессора Витватерсрандского университета Г. Игл, посвящённая вопросам гендерной социализации[2]. Автор размышляет о процессе социализации как о механизме формирования и поддержания в обществе стереотипов феминности и маскулинности, которые оказывают прямое влияние на складывание неблагоприятной для девочек и женщин социальной обстановки. Г. Игл демонстрирует как различные агенты социализации – семья, образовательные учреждения, СМИ, система права, трудовой сектор, религия – воздействуют на южноафриканских девочек и мальчиков, порождая культуру мачизма. В частности, она указывает на законодательство, которое закладывает восприятие женщины как собственности мужчины[3]. Складывающиеся в ходе гендерной социализации фундаментальные ценностные ориентации, таким образом, непосредственно приводят к актам физического и психологического насилия над африканскими девочками и женщинами.

---

[1] *Friedman M., Metelerkamp J., Posel R.* What Is Feminism? And What Kind of Feminist Am I? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1987. № 1. P. 3–24.

[2] *Eagle G.* Learning to Become a «Natural Woman»: The Process of Socialisation // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1988. № 1. P. 67–80.

[3] Ibid. P. 74.

В значительной степени южноафриканская историография последних двух десятилетий XX в. характеризовала неинституционализированные формы насилия в отношении девочек и женщин. К их числу применительно к субсахарскому региону чаще всего относят изнасилования, которые осуществляются в общественных местах, домашнем пространстве, образовательных учреждениях и на местах работы, насилие в ходе внешних и внутренних военных конфликтов и террористических действий, а также охоту на ведьм.

Сексуальное насилие в форме изнасилования является одной из наиболее распространённых форм неинституционализированного насилия, которое при этом является также и проявлением делинквентности в южноафриканском обществе. Однако это не касалось изнасилований, осуществляемых в браке, поскольку они, согласно законодательству страны до 1995 г., не квалифицировались как преступные деяния[4]. Одной из первых статей, посвящённых проблеме изнасилований в южноафриканском обществе, стала работа К. Илз[5]. Автор анализирует ситуацию, связанную с возможностями профессиональной деятельности чернокожих женщин в начале XX в. В 1900-е гг. был более распространён труд чернокожих мужчин, в том числе в «белых» домохозяйствах, что приводило к случаям насилия над белыми женщинами. Как отмечает исследовательница, сексуальное насилие над чернокожими женщинами мужчинами всех рас было обычным делом, но подобные случаи в отношении белых женщин вызвали существенный резонанс в обществе[6]. Одним из последствий данных событий стало повышение числа чернокожих женщин в городском пространстве, которые искали различные варианты заработка в шахтерских кварталах или в домохозяйствах. В новом социальном поле они оказывались совершенно беззащитны перед насилием со стороны как белых, так и чернокожих мужчин. К. Илз указывает, что законодательство Трансвааля запрещало сексуальные контакты между чернокожими мужчинами и белыми женщинами (даже если последние занимались проституцией), в то время как чернокожие женщины не обладали никакими формальными способами защитить себя от насилия[7]. Эту же проблему поднимает позднее в своём исследовании Н. Вебстер. Она проанализировала ситуацию, сложившуюся в южноафриканском обществе после принятия в 1957 г. Закона о сексуальных преступлениях[8]. Согласно данному нормативно-правовому акту, лишь белые женщины могли быть жертвами изнасилования. Подобная ситуация была ха-

[4] CEDAW. Initial report of States parties. South Africa. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/ZAF/1. P. 118.

[5] *Eales K.* «Good Girls» vs. «Bad Girls» // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1989. № 4. P. 1–22.

[6] Ibid. P. 2.

[7] *Eales K.* Op. cit. P. 11.

[8] *Webster N.* Legal Eye: Scrap the Sexual Offences Act // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 66–70.

рактерна для Южно-Африканской Республики на протяжении всего колониального периода, а затем фактически сохранялась до падения режима апартхейда.

Проблему изнасилования как со стороны случайных лиц, так и внутри семьи со стороны супруга анализировала П. Хорн[9]. Она отмечает, что сексуальное насилие в ЮАР не имеет достаточного внимания органов власти и характеризуется несостоятельностью правовых норм в его отношении. Автор указывает на проблемы виктимизации жертв насилия как со стороны правоохранительных структур, так и с позиции общества[10]. Наиболее острой, по мнению П. Хорн, является ситуация с изнасилованиями в семейной среде. Как уже отмечалось ранее, в законодательстве ЮАР подобные случаи не квалифицировались как преступление до 1995 г. Кроме того, замечает автор, семьи жертв сексуального насилия не сообщают о подобных случаях, не желая выносить проблемы семьи на всеобщее обозрение[11]. Таким образом, даже если женщина и пыталась защитить себя от насилия со стороны мужа, она не могла опереться в этом ни на свою семью, ни на правоохранительные организации.

Э. Магер в исследовании женской и мужской сексуальности в обществах Восточно-Капской провинции обращает внимание на широкую распространённость случаев изнасилования женщин в общественном пространстве. Автор высказывает предположение, что подобные ситуации являются следствием традиционных представлений о второстепенности роли женщины, чьи важнейшие функции заключаются в удовлетворении всех потребностей мужчины[12]. Несмотря на то, что в традициях народа коса, преимущественно населяющего Восточно-Капскую провинцию, подобные воззрения применимы только в семейной среде, где жена или дочь действительно должна подчиняться желаниям супруга или отца, некоторые мужчины экстраполируют такие взгляды на всех женщин в целом. Э. Магер также сообщает о том, что в Восточно-Капской провинции возраст жертв насилия с 1950-х гг. варьируется от 7 до 70 лет. При этом несовершеннолетние девочки, согласно данным исследовательницы, чаще подвергаются еще и физическому воздействию в виде избиения или нанесения увечий[13]. Необходимо отметить, что изнасилование детей не является особенностью указанного региона. Как показывают источники и историография, подобные ситуации характерны для всей территории не только ЮАР, но и в целом для большинства народов Тропической Африки.

В работе Л. Веттен приводятся данные, собранные сотрудниками Университета Южной Африки и Центра изучения насилия и примирения в ходе

---

[9] *Horn P.* The Way Forward Towards the Emancipation of Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1991. № 10. P. 53–66.

[10] Ibid. P. 56.

[11] Ibid. P. 55.

[12] *Mager A.* Sexuality, Fertility and Male Power // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 20.

[13] Ibid. P. 20.

опросов жертв изнасилования, находящихся в нескольких больницах ЮАР. Согласно статистике, наиболее уязвимой группой являлись женщины в возрасте от 13 до 30 лет, около 42 % жертв были знакомы с преступником, насилие осуществлялось преимущественно на улицах, вокзалах, кладбищах, стадионах, в отелях и парках[14]. Как отмечает автор, силы полиции не способствуют сокращению случаев изнасилования, поскольку сотрудники правоохранительных органов ссылаются на нехватку персонала или ресурсов для предотвращения подобных преступлений[15]. Похожая ситуация наблюдается в историографии и источниках применительно к другим регионам Тропической Африки, что может свидетельствовать как о недостатках работы правоохранительных систем, так и о небрежности в вопросах гендерного насилия.

Внимание исследователей в 1990-е гг. привлекала проблема изнасилований, которые происходят в различных корпоративных пространствах. Ф. Катри обратилась к изучению случаев сексуального насилия в образовательном пространстве, а именно в Университете Квазулу-Натал[16]. Её исследование опиралось на свидетельства студенток вуза, ставших жертвами насилия со стороны других студентов, а также представителей администрации. Автор отмечает, что несмотря на существование в университете специальных служб, которые должны препятствовать подобным действиям, обучающиеся продолжают подвергаться изнасилованиям и впоследствии получают недостаточный уровень защиты от насильников. Так, в статье упоминаются некоторые из форм воздействия на насильников: одного студента исключили из университета, но с возможностью восстановления в последующем семестре, ещё трёх студентов обвинили в «сексуальной непристойности» и временно отстранили от обучения[17]. Подобное отношение со стороны администрации университета показывает, что сексуальное насилие в образовательной среде не воспринималось как существенная проблема, которую необходимо решать более радикальным способом.

О сексуальном насилии в школьных учебных заведениях в южноафриканской историографии этого периода содержится незначительный объем информации. Подобные случаи упоминает в своей статье Э. Магер, указывая на попытки сексуального преследования учениц со стороны учителей мужского пола[18]. Вероятно, изнасилования в школах не имеют широкой представленности в связи с малым количеством официально подтвержденных случаев сексуального насилия. Девочки еще в большей степени, нежели взрослые женщины,

[14] *Vetten L.* The Rape Surveillance Project // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 46.

[15] *Vetten L.* Op. cit. P. 48.

[16] *Kathree F.* Sexual Harassment and Sexism: Some Perceptions from Students and Academics at the University of Natal, Durban // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1992. № 13. P. 15–18.

[17] Ibid. P. 15–16.

[18] *Mager A.* Op. cit. P. 16.

склонны к умалчиванию таких ситуаций, поскольку испытывают стыд либо опасаются наказания как от родителей, так и от учителей.

В 1997 г. вышла статья депутата Совета Экурхулени (городского округа провинции Гаутенг в ЮАР) П. Кумало, открывшая дискуссию о сексуальных злоупотреблениях в трудовой сфере. Автор отмечает, что подобные случаи начинают восприниматься как одна из форм насилия, не только нарушающая права человека, но и вредящая производственной обстановке[19]. П. Кумало указывает, что существующее в ЮАР законодательство запрещает подобные действия, однако сложившаяся правоохранительная и судебная система препятствует жертвам насилия в защите своих прав. В частности, автор отмечает сложности, связанные со сбором доказательной базы, а также склонность судей к оправданию мужчин[20]. П. Кумало в большей степени обращается именно к юридической стороне вопроса, не подвергая анализу исторический контекст данной формы насилия, а также не обращаясь непосредственно к голосам жертв насилия.

В статье Ф. Потгитер упоминалась проблема сексуального насилия ещё в одном корпоративном пространстве – молодёжных организациях. Автор указывает на множественные случаи изнасилования участниц подобных структур[21]. При этом руководители организаций не принимали никаких действий по защите собственных коллег от подобных ситуаций. Ф. Потгитер замечает, что участники-мужчины возражали против принятия каких-либо изменений в уставные документы, опасаясь ложных обвинений в насилии[22]. Статья Ф. Потгитер – единственная работа изучаемого периода, в которой рассматривается насилие в таких структурах. В значительной степени это связано, во-первых, с узостью проблематики, а, во-вторых, с малым количеством молодежных организаций в конце XX в.

В историографии 1980–1990-х гг. не отмечаются случаи насилия в религиозных организациях и объединениях. В работе М. Монакали, активистки и участницы неправительственной организации по борьбе с насилием и злоупотреблениями в отношении женщин и детей «Ilitha Labantu», сообщается о том, что представители церкви, прежде всего христианской, которая наиболее распространена среди жителей ЮАР, относятся к женщинам предвзято, чём провоцируют рост насильственных действий[23]. Однако при этом никаких указаний на механизм подобных провокаций автор не приводит.

Случаи охоты на ведьм не фиксировались в историографии конца XX в., хотя в источниках можно встретить упоминания подобной формы не-

[19] *Kumalo P.* Sexual Harassment? It's a No-Go Area // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 19.

[20] Ibid. P. 19–20.

[21] *Potgieter F.* A Voice for Young Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 20. P. 33.

[22] *Potgieter F.* Op. cit. P. 34.

[23] *Monakali M.* Challenging the Church // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 98.

институционализированного насилия. Жертвами становились преимущественно женщины, но и мужчины также упоминаются как возможные обвиняемые в незаконной колдовской практике[24]. Отсутствие внимания к случаям охоты на ведьм может быть обусловлено редкостью их проявления в южноафриканском пространстве, а также большим фокусом на других формах насилия, являющихся более острой проблемой общества.

Внимание южноафриканских исследователей к насильственным действиям по отношению к девочкам и женщинам в рамках военных действий не является случайным. В 1970–1990-х гг. Южно-Африканские силы обороны активно участвовали в конфликтах внутри государства, обусловленных борьбой местного населения против режима апартхейда, а также на границах страны (Война в Южной Родезии, Гражданская война в Анголе). После прихода к власти президента Питера Виллема Боты в ЮАР начался период стремительной милитаризации, сопровождавшийся наращиванием вооруженных сил и активизацией борьбы со сторонниками коммунистической идеологии и с участниками движений против политики апартхейда.

Ж. Кок проанализировала роль женщин в деятельности Южно-Африканских сил обороны в условиях милитаризации[25], опираясь на более ранние исследования о восприятии женщин в период военных действий. Помимо рассмотрения участия женщин в материальной и идеологической поддержке вооруженных сил, автор также обращается и к феномену сексуальных злоупотреблений со стороны военных. Последнее анализируется как в форме косвенного визуального злоупотребления, т. е. в создании и распространении порочащих честь женщин эротических и порнографических изображений, так и в форме прямого физического насилия – изнасилования[26]. Ж. Кок отмечает, что изнасилования действительно происходят в текущих военных действиях, о чём свидетельствуют показания жертв, данные под присягой[27]. Автор обращает внимание на положение только белых женщин, которые непосредственно служили в Южно-Африканских силах обороны. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сексуальному насилию подвергаются не только представительницы мирного населения, что является распространенной ситуацией во многих военных действиях, но и женщины, инкорпорированные в милитаристские структуры.

Проблему насилия над женщинами в условиях военных действий также анализировала В. Аннеке, чьё исследование стало результатом рабочей встречи африканских женщин под руководством издательства журнала «Agenda»[28]. Автор подводит итоги обсуждению ситуации в Провинции

[24] CEDAW/C/ZAF/1. P. 42.

[25] *Cock. J.* Keeping the Fires Burning: Militarization and the Politics of Gender in South Africa // Review of African Political Economy. 1989. № 45/46. P. 50–64.

[26] Ibid. P. 57.

[27] Ibid.

[28] *Annecke W.* Women and the War in Natal // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1990. № 7. P. 12–20.

Наталь, где в конце 1980-х гг. обострилось противостояние между Африканским Национальным Конгрессом и Партией свободы Инката. Вооруженные столкновения группировок приводили к убийству мирных жителей и разрушению инфраструктуры. Как отмечает автор, наиболее уязвимой категорией населения в данном случае стали именно женщины: их убивали, насиловали и похищали[29]. Отмечаются случаи принуждения к сексу в обмен на защиту. Подобные акты насилия приводили к нежелательной беременности у огромного числа женщин, которые не имели ни законодательной, ни материальной возможности проведения искусственного прекращения беременности. Это в свою очередь вело, с одной стороны, к увеличению количества нелегальных абортов и росту смертности в ходе их проведения. С другой стороны, после завершения военных действий резко возросла численность брошенных детей. Помимо сексуального насилия, автор указывает на увеличение количества случаев нанесения телесных повреждений. При этом подобная практика была введена в рядах Партии свободы Инката её руководителем[30]. Женщины в рамках внутреннего конфликта теряют в глазах военных статус полноценной личности, превращаясь в инструмент достижения целей: они обязаны производить еду, контролировать наличие воды и топлива, обеспечивать моральную поддержку для солдат, помимо своих основных семейных функций. В отличие от работы Ж. Кок, В. Аннеке обращается к случаям насилия в отношении всех женщин – из числа африканеров и из числа местных этнических групп (прежде всего, зулу и коса).

Проблема физического насилия в отношении женщин в форме избиения мало представлена в историографии изучаемого периода. О явлении бытового насилия со стороны партнёра упоминает Ф. Потгитер, приводя данные, согласно которым около 25 % молодых девушек систематически подвергаются избиению[31]. Более целенаправленно ситуация бытового насилия анализируется в работе Б. Грант и С. Джагвант, однако авторы рассматривают подобные ситуации лишь в юридическом контексте принятого в 1993 г. Акта о предотвращении бытового насилия[32]. Исследователи обращают внимание на возможности жертв насилия к правовой защите, но не изучают причины и особенности насильственной практики. В публикации П. Шифман, Н. Мадлала-Рутледж и В. Смит приводятся данные статистики о бытовом насилии: две из трех госпитализированных в больнице женщин подверглись нападению со стороны партнера, супруга или члена семьи, 60% браков сопровождаются насилием, каждые 6 дней в ЮАР женщина умирает от рук партнера мужского пола[33]. В целом необходимо отметить, что проблема бытового насилия слабо изучена во многом из-за отсутствия достаточного количества материалов.

[29] *Annecke W.* Op. cit. P. 14.

[30] Ibid. P. 19.

[31] *Potgieter F.* Op. cit. P. 31.

[32] *Grant B., Jagwanth S.* Regulating Violence in the Home // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 23. P. 87–90.

[33] *Shifman P., Madlala-Routledge N., Smith V.* Women in Parliament Caucus for Action to End Violence // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 25.

Жертвы этих обстоятельств, как и в случае изнасилования в семье, часто не предъявляют своим партнёрам официальные обвинения, а их семьи настаивают на сокрытии информации.

Практики институционализированного насилия, к которым в регионе субсахарской Африки обычно относят калечащие операции на женских половых органах (или женское обрезание), физическое и/или сексуальное насилие в рамках практик инициации или в рамках обрядов вдовства, незначительно представлены в южноафриканской историографии XX в. Это может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, можно предположить, что среди народов Южно-Африканской Республики сами практики подобного рода не являются широко распространенными. Это, в частности, подтверждается и докладом ЮАР в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин 1998 г. В нём указывается, что калечащие операции и добрачная проверка девственности встречаются редко[34]. Кроме того, в исследовании Э. Магер отмечается большая распространенность обрядов мужского обрезания (в частности, у народа коса)[35]. Однако поскольку данные практики всё же существуют, то вторая возможная причина, по которой местные исследователи практически не изучают их, заключается в том, что в академическом пространстве ЮАР в условиях апартхейда и первых нескольких лет после его завершения ещё не было достаточно количества учёных из числа автохтонного населения. Наконец, третьей возможной причиной отсутствия работ по институционализированным формам насилия является табуирование во всех обществах Тропической Африки тем, связанных с сексуальностью. В связи с этим исследователи неизбежно сталкиваются с существенными трудностями в получении сведений от общин, сохраняющих подобные практики.

О калечащих операциях на женских половых органах писала в своей статье Д. Перумал. Однако исследовательница анализировала не южноафриканские реалии, а проблему женского обрезания в целом. Её работа посвящена фильму «Warriors Marks», продемонстрированному на Международном кинофестивале в Дурбане в 1995 г.[36] Данный фильм, актуализирующий проблему калечащих операций, по мнению Д. Перумал должен обратить внимание женщин Квазулу-Натал на недостатки южноафриканского общества.

Существование практик проверки девственности, предусматривающих физическое воздействие на гениталии девушки, применительно к обществам Южно-Африканской Республики подтверждается в работе А. Махарадж. Автор не исследует традиционный вариант этой практики, но указы-

[34] CEDAW/C/ZAF/1. P. 42.

[35] *Mager A.* Op. cit. P. 13.

[36] *Perumal D.* Warriors and Tribunals // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1995. № 27. P. 115-118.

вает на появление ситуаций её воспроизводства в образовательных учреждениях ЮАР[37]. Исследовательница не приводит данных о количестве подобных случаев, а в качестве причин проведения её мужчинами упоминает заблуждение о возможности излечения от ВИЧ/СПИД посредством сексуального контакта с девственницей[38]. Других подтверждений существования практики проверки девственности в историографии изучаемого периода не обнаружено, что может свидетельствовать о её низкой распространённости среди народов, проживающих в ЮАР.

Таким образом, период 1980–1990-х гг. в южноафриканской историографии стал временем фундаментальной трансформации дискурса в рамках антропологических исследований. В первой половине и середине XX в. антропологическая школа ЮАР была сосредоточена преимущественно на изучении этнической и трайбалистской основ местных обществ, непосредственно связанных с межплеменным насилием. Но к завершению эпохи апартхейда и в первые годы постколониального развития исследователи обратили внимание на проблемы физического насилия в отношении женщин.

Толчком к активному изучению проблемы стало появление в 1987 г. специализированного журнала «Agenda», который не только объединил усилия академических ученых, но и стал площадкой для голосов самих жертв насилия, активистов и правозащитников. Преобладание женщин среди авторов исследований обеспечило более включённый и эмпатичный подход, позволивший преодолеть западноевропейские категориальные рамки и получить в некоторой степени доступ к табуированным аспектам южноафриканской повседневности.

Научный дискурс прошёл путь от осмысления базовых механизмов гендерной социализации и формирования культуры мачизма в конце 1980-х гг. до детального анализа конкретных форм неинституционализированного насилия в 1990-е гг. Исследователи выявили, что насилие в ЮАР пронизывало почти все значимые социальные сферы.

Южноафриканская историография демонстрировала то, как режим апартхейда и колониальное законодательство легитимизировали гендерное насилие. Милитаризация общества и внутренние вооружённые конфликты усугубляли эту ситуацию, превращая женщин в ещё более уязвимую категорию.

В историографии 1980–1990-х гг. практически полностью отсутствуют исследования институционализированных форм насилия (женского обрезания, обрядов инициации). Это могло быть связано с необходимостью в условиях разрушения апартхейда рефлексии над острыми социальными и политическими вызовами в ЮАР, с табуированностью тем сексуальности и с дефицитом ученых из среды местных народов.

---

[37] *Maharaj A.* Virginity Testing: A Matter of Abuse or Prevention? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1999. № 41. P. 96.

[38] *Maharaj A.* Op. cit. P. 96.

Список литературы:

1. *Annecke W.* Women and the War in Natal // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1990. № 7. P. 12–20.
2. *Cock J.* Keeping the Fires Burning: Militarization and the Politics of Gender in South Africa // Review of African Political Economy. 1989. № 45/46. P. 50–64.
3. *Eagle G.* Learning to Become a «Natural Woman»: The Process of Socialisation // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1988. № 1. P. 67–80.
4. *Eales K.* «Good Girls» vs. «Bad Girls» // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1989. № 4. P. 1–22.
5. *Friedman M., Metelerkamp J., Posel R.* What Is Feminism? And What Kind of Feminist Am I? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1987. № 1. P. 3–24.
6. *Grant B., Jagwanth S.* Regulating Violence in the Home // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 23. P. 87–90.
7. *Horn P.* The Way Forward Towards the Emancipation of Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1991. № 10. P. 53–66.
8. *Kathree F.* Sexual Harassment and Sexism: Some Perceptions from Students and Academics at the University of Natal, Durban // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1992. № 13. P. 15–18.
9. *Kumalo P.* Sexual Harassment? It's a No-Go Area // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 19–22.
10. *Mager A.* Sexuality, Fertility and Male Power // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 12–24.
11. *Maharaj A.* Virginity Testing: A Matter of Abuse or Prevention? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1999. № 41. P. 96.
12. *Monakali M.* Challenging the Church // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 98–99.
13. *Perumal D.* Warriors and Tribunals // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1995. № 27. P. 115-118
14. *Potgieter F.* A Voice for Young Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 20. P. 30–35.
15. *Shifman P., Madlala-Routledge N., Smith V.* Women in Parliament Caucus for Action to End Violence // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 23–26.
16. *Vetten L.* The Rape Surveillance Project // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 45–49.
17. *Webster N.* Legal Eye: Scrap the Sexual Offences Act // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 66–70.

Об авторе:

ПЕТРОВ Константин Алексеевич – старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия,

170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

The Problem of Social Deprivation of Women in the Societies of Post-Colonial Sunsaharian Africa

K.A. Petrov

Tver State University, *Tver, Russia*

This article analyzes South African historiography of the late 20th century within the context of the anthropology of violence. It traces the evolution of local anthropology from the study of ethnic societies and aggression within tribal structures to the issues of gender-based violence. The author demonstrates how the emergence of a specialized journal and the increasing number of female researchers shaped a new discourse grounded in an insider perspective on violent practices. The article highlights that primary attention was given to non-institutionalized forms of violence (rape, domestic violence, and violence in the context of armed conflict). The author concludes that institutionalized practices remained on the periphery of the academic field due to cultural taboos, a shortage of scholars from the local population, and the priority of acute socio-political challenges during the dismantling of apartheid.

***Keywords**: historiography, South Africa, anthropology of violence, gender-based violence.*

About the author:

PETROV Konstantin Alexeevich – senior lecturer, the Department of General History, the Tver State University (170100, Russia, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.